

НАУЧНЫЕ ОБЗОРЫ SCIENTIFIC REVIEW

DOI 10.22363/2618-8163-2020-18-3-271-294

Научная статья / Scientific article

История преподавания русского языка в Ливане: хронологический обзор от «московских школ» Императорского Православного Палестинского Общества до настоящего времени

Н.В. Семаан¹, Е.Н. Демешева², Т.В. Бахер³¹Российский центр науки и культуры
*Ливанская Республика, 7883, Бейрут, ул. Рашида Караме*²Ливанский государственный университет
*Ливанская Республика, Декване, а/я 14/6573*³Ливанское Культурное Православное Императорское Общество
*Ливанская Республика, 32111, Амьон,
Nord Boulevard Abdallah Saadeh, Chaouki Al Chammas Building*

Аннотация. Статья посвящена вопросу истории преподавания русского языка в Ливане с конца XIX века до настоящего времени. Авторы попытались проанализировать, каким образом основные исторические моменты во взаимоотношениях России и Ливана повлияли на условия преподавания русского языка в этой стране. Дается краткая характеристика программ и методик обучения русскому языку, применяемых в различных учебных учреждениях Ливана, в зависимости от того, в каком виде он был востребован на том или ином этапе своего функционирования: сначала как язык, который преподавался в некоторых школах Императорского Православного Палестинского Общества, так называемых московских школах, затем как язык сохранения культуры русской диаспоры, изначально сложившейся из эмигрантов первой волны, а на современном этапе – русский как иностранный или как родной язык билингвов, детей соотечественников, проживающих в Ливане.

Ключевые слова: преподавание, русский язык, Ливан, хронология

История статьи: поступила в редакцию: 02.02.2020; принята к печати: 10.03.2020.

Для цитирования: *Семаан Н.В., Демешева Е.Н., Бахер Т.В.* История преподавания русского языка в Ливане: хронологический обзор от «московских школ» Императорского Православного Палестинского Общества до настоящего времени // Русистика. 2020. Т. 18. № 3. С. 271–294. <http://dx.doi.org/10.22363/2618-8163-2020-18-3-271-294>

The history of teaching the Russian language in Lebanon: a chronological overview starting with the “Moscow school” of the Imperial Orthodox Palestine Society until present times

Nataliya V. Semaan¹, Elena N. Demesheva², Tatiana V. Baher³

¹Russian Center for Science and Culture
Rachid Karamé St., Beirut, 7883, Lebanese Republic

²Lebanese University
P.O. Box 14/6573, Dekwaneh, Lebanese Republic

³Lebanese Cultural Orthodox Imperial Society
*Chaouki Al Chammas Bldg., Liban Nord Abdallah Saadeh Blvd.,
Amioun, 32111, Lebanese Republic*

Abstract. The article is dedicated to the history of teaching the Russian language in Lebanon from the end of the XIX century to present times. The authors tried to analyze how the pivotal historical moments of Russian-Lebanese relations influenced the conditions for teaching the Russian language in Lebanon. The article provides a brief description of the programs and methods used in various educational institutions for teaching Russian in Lebanon, depending on the form in which it was in demand for its functioning (at one stage or another). First as a language taught in some “Moscow schools” of the Imperial Orthodox Palestine Society, then as a language for preserving the Russian culture of the Diaspora initially formed by first wave immigrants and finally at the present stage, Russian as a foreign language or as a native language for bilingual children of compatriots living in Lebanon.

Keywords: teaching, Russian as a foreign and native language, Lebanon, bilingual children

Article history: received: 02.02.2020; accepted: 10.03.2020.

For citation: Semaan, N.V., Demesheva, E.N., & Baher, T.V. (2020). The history of teaching the Russian language in Lebanon: A chronological overview starting with the “Moscow school” of the Imperial Orthodox Palestine Society until present times. *Russian Language Studies*, 18(3), 271–294. <http://dx.doi.org/10.22363/2618-8163-2020-18-3-271-294>

Хронология преподавания русского языка в Ливане напрямую связана с историческими периодами взаимоотношения России с этой ближневосточной страной, а также с присутствием в ней русской диаспоры, формировавшейся с начала 20-х годов прошлого века по настоящее время.

Российская империя всегда стремилась утвердиться на Ближнем Востоке в качестве основной державы – покровительницы христианских святынь в регионе и православного населения Сирии и Палестины. Важным историческим документом, повлиявшим на укрепление позиций Российского государства в этом регионе, стал русско-турецкий мирный договор, положивший конец войне 1768–1774 годов. На основании этого соглашения Россия получила право оказывать покровительство христианским меньшинствам в Османской империи, и в 1820 году в г. Яффа было учреждено российское консульство для защиты интересов и оказания помощи российским подданным,

отправляющимся в паломничество к Святым местам как в Сирии, так и в Палестине.

Однако отсчетным моментом установления российско-ливанских консульских отношений считается 1839 год, когда российское консульство было переведено из г. Яффа в г. Бейрут и стало называться Консульством в Бейруте и Палестине, а с 1843 года – Генеральным консульством в Бейруте (Русские в Ливане, 2010: 18).

В этот период активно создавалась инфраструктура российского присутствия в Ливане, было заметно расположение ливанцев к России. Во времена турецкого владычества Россия и Русская Православная Церковь стали подлинными кумирами не только православных ливанцев, но и представителей других конфессий в этой части Ближнего Востока.

Важным событием в развитии отношений между Россией и Ливаном, составлявшим тогда вместе с Сирией и Палестиной часть территории Великой Сирии (араб. بلاد الشام «билад аш-шам»), стало создание в 1882 году Российского Императорского Православного Палестинского общества (ИППО).

Уставом Общества, которое учреждалось «с исключительно ученою и благотворительною целями», определялись три основные направления его деятельности: научное («собирать, разрабатывать и распространять в России сведения о Святых местах Востока»), паломническое («оказывать пособие Православным паломникам этих мест») и гуманитарное («учреждать школы, больницы и странноприимные дома, а также оказывать материальное пособие местным жителям, церквям, монастырям и духовенству») (Устав., 1887).

В исследовании российского философа и историка Н.Н. Лисовой (Лисовой, 2006) упомянуто о том, что с 1883 по 1885 год в школе Бейрутского православного благотворительного общества вел уроки русского языка Александр Гаврилович (Искандер-Джебраил) Кезма (1860–1935). Уроженец Дамаска, выпускник Санкт-Петербургской духовной семинарии, будучи студентом третьего курса Московской духовной академии, в 1883 году он был отозван для работы в Палестине и стал одной из ключевых фигур в создании системы школ ИППО на Ближнем Востоке. Впоследствии А.Г. Кезма руководил первыми школами ИППО в Галилее и также открывшимся в 1886 году в Назарете мужским пансионом, в 1889 году преобразованным в учительскую семинарию.

В Ливане первая школа ИППО была открыта 22 сентября 1887 года в Бейруте стараниями Марии Александровны Черкасовой (21 февраля 1841, Санкт-Петербург – 1918, Бейрут). Выпускница Павловского института благородных девиц в Петербурге, ко времени приезда в Бейрут она имела солидный педагогический опыт: несколько лет преподавала в школе в Новгородской губернии, с 1879 года руководила школой для девочек в Российской духовной миссии в Японии. С 1887 по 1914 год М.А. Черкасова организовала в Бейруте шесть школ и являлась их бессменным руководителем. Успех первой, бейрутской, школы ИППО вызвал множество обращений из разных районов Ливана об открытии подобных школ: «В 1890-х годах по просьбе Антиохийского патриархата многие сельские школы Ливана перешли под покровительство ИППО» (Бахер, Федотов, 2012: 45).

Данные, собранные в работе Т. Бахер, П.В. Федотова (Бахер, Федотов, 2012), свидетельствуют о том, что эти школы действовали и в крупных го-

родах, где их могло быть несколько, и в маленьких селениях. Группы школ объединялись в округа, руководимые русскими инспекторами, которые следили за учебно-воспитательным процессом. Неоднократно школы посещались комиссиями из России, в состав которых входили известные педагоги. Обучение в школах было бесплатным, они были открыты для представителей всех конфессий. Общее количество «московских школ» на территории Ливана достигало 48. По данным на 1912–1913 годы, в них обучались 5750 мальчиков и девочек.

Кроме того, поддержкой ИППО пользовались не входившие в школьную систему Общества учебные заведения, если в них тоже преподавался русский язык. Так, в 1896–1898 годах несколько русских учительниц, выпускниц петербургской женской гимназии Стоюниной, и местная уроженка – выпускница Бейт-Джалльской учительской семинарии ИППО, работали в бейрутском пансионе «Бакурат Аль-Ихсан», открытом дамским православным благотворительным обществом «Захрат аль-Ихсан» (букв. «Цветы милосердия», год основания – 1880). Руководила учебным процессом «русская начальница» института Екатерина Ивановна Шмидт из Санкт-Петербурга, о чем упомянуто у востоковеда А.Е. Крымского (Крымский, 1975: 35).

Школы ИППО, действовавшие на Ближнем Востоке с 1882 по 1914 год, представляли собой целую систему учебных заведений, а программа обучения зависела от типа школ. В отчетных сообщениях ИППО (Извлечение из отчета..., 1899) указывается, что в одноклассных сельских училищах с тремя группами и тремя годами обучения дети 8–12 лет изучали Закон Божий, арифметику, арабский и русский языки, пение. В двухклассных сельских и городских училищах дети от 8 до 14 лет обучались в течение пяти лет Закону Божьему, арифметике, географии, арабскому, русскому и турецкому языкам. Преподавание всех предметов в одноклассных и двухклассных училищах, кроме русского языка, велось на арабском языке.

Для подготовки педагогических кадров из местного арабского населения для школ ИППО Обществом были открыты две учительские семинарии (пансиона) в Палестине: мужская в Назарете (1886) и женская в Бейт-Джале (1890). В них поступали лучшие ученики и ученицы, окончившие курс двухклассных городских и сельских школ. Шестилетний курс обучения по установленным программам предполагал обучение всем предметам на русском языке (кроме Закона Божьего, арабского, турецкого и греческого языков) (Извлечение из отчета..., 1899). Считается, что эти две семинарии «подготовили первых профессиональных педагогов в арабском мире» (Грушевой, 2018: 274).

Отметим, что в Ливане учительских семинарий не было, но М.А. Черкасова в своих школах вела специальные занятия для старших воспитанниц, призванные научить их основным педагогическим приемам и методикам обучения.

В 1912–1913 учебном году в бейрутских школах преподавали 33 учительницы, все – местные уроженки, ученицы М.А. Черкасовой (Бахер, Федотов, 2012).

При открытии школ на Ближнем Востоке администрация Общества обнаружила почти полное отсутствие педагогической и учебной литературы на арабском языке. В результате сотрудниками Общества была проделана огром-

ная работа по переводу на арабский язык русских пособий и составлению оригинальных учебных материалов, учитывающих местную специфику. Автором многих учебных пособий и методических разработок для школ ИППО на арабском языке является А.Г. Кезма, который еще в бытность свою в Бейруте начал работу над переводом учебника Закона Божьего с русского на арабский язык (Извлечение из отчета..., 1899).

Как отмечалось ранее, преподавание в одноклассных и двухклассных сельских училищах ИППО велось на арабском языке. Уроки русского языка и русского пения вводились только при наличии подготовленных преподавателей (русских или местных уроженцев, окончивших учительские семинарии ИППО). Среди ливанских школ наибольшие успехи в русском языке отмечались у учащихся бейрутских школ М.А. Черкасовой, где велись занятия по ее авторской методике (Черкасова, 1911).

Способствовало этому и то, что, несмотря на крайнюю малочисленность постоянного русского населения в Бейруте, «школы госпожи Черкасовой» были местом, которое часто посещалось русскими путешественниками и паломниками, прибывающими в Бейрут, и учащиеся имели возможность практиковаться в разговорном русском языке (Бахер, Феотов, 2012).

Вопрос о целесообразности и приемах преподавания русского языка в школах ИППО неоднократно был предметом обсуждения. Последний документ, относящийся к этому вопросу, – Доклад Комиссии, составленной Советом Императорского Палестинского Общества для рассмотрения программ и инструкций семинарий, выработанных на Назаретском Собрании 1913 г., описан А.Г. Грушевым (Грушевой, 2015).

Рекомендации по преподаванию русского языка и литературы, представленные в этом документе, предназначены для семинарий (Назаретской и Бейт-Джальской) и образцовых школ при них. То есть делалась попытка обобщения накопленного опыта и создания некой идеальной модели преподавания русского языка для иностранных детей в специализированных учебных заведениях за пределами России. Специализированные – это, в данном случае, профессионально ориентированные, учительские средние учебные заведения, предоставляющие, кроме того, их выпускникам достаточный уровень языковой подготовки и общего образования, чтобы продолжить обучение в высших учебных заведениях в России.

В связи с началом боевых действий между Россией и Турцией в октябре 1914 года русские школы в Бейруте были переданы османскими властями в ведение местных церковных общин. «Начавшаяся война поставила точку в истории школ, и мы не можем сказать, что могло бы произойти в случае иных итогов войны и как реализовались бы тенденции развития школ и школьного дела, наметившиеся в первые годы XX столетия» (Грушевой, 2015: 109–110). Все российские подданные были высланы османскими властями с территории Ливана. Исключение было сделано для Марии Александровны Черкасовой, пользовавшейся особой любовью и уважением среди ливанцев. В Ливане она прожила до конца своей жизни. В честь М.А. Черкасовой названа улица «Аль-Мама» в центре Бейрута, выходящая на современное здание Российского посольства.

Главным результатом деятельности «московских» школ в Ливане (1887–1914) стало то, что впервые тысячам православных детей была предоставлена возможность получить отвечающее новейшим педагогическим принципам системное начальное образование в духе традиций своей общины. Источники и научная литература не дают нам цифру общего количества детей, обучавшихся в школах ИППО на территории современного Ливана, однако, несомненно, речь может идти о десятках тысяч. Преподавание русского языка в ливанских «московских школах» не было повсеместным и систематическим, так как не являлось первоочередной задачей при организации этих школ. Но элементарное знание форм речевого этикета, религиозных формул и молитв на русском языке для учащихся школ выступали в роли определенного знака принадлежности к мировой православной культуре, одним из столпов которой почиталась Россия. Ориентация обучения на родной арабский язык, внимание к истории и географии родного края позволило вырастить в «московских школах» поколение патриотически настроенных православных ливанцев, многие из которых стали представителями национальной интеллигенции. Самоотверженная деятельность российских педагогов-подвижников заслужила благодарность и усилила традиционные симпатии православных ливанцев к России.

Создание «московских школ», проработавших с 1887 года до начала Первой мировой войны в 1914 году, было ценным просветительским вкладом, который осуществило ИППО на территории ливанской земли. С этими временными рамками и соотносится первый период систематизированного преподавания русского языка в Ливане.

В 1922 году в связи с распадом Османской империи были прерваны и российско-ливанские отношения. Восстановлены они были лишь в 1944 году. Тем не менее до этого времени череда событий, охвативших и Ливан, и Россию, по-своему расставила акценты как на геополитической карте обеих стран, так и в их взаимоотношениях.

Одним из таких судьбоносных явлений начала XX века стала Октябрьская революция 1917 года. Она повлекла за собой изменение общественно-политической обстановки в России, и жизнь довольно значительной части русских граждан на родине оказалась невозможной. Многие приняли решение покинуть свою страну, полагая, что делают это лишь на непродолжительное время.

Так, в 1921 году на территории будущего Ливана, как и в большинстве других зарубежных стран, появились эмигранты первой волны и начала формироваться русская диаспора. Около 400 семей попало в эту ближневосточную страну после революции. Статистические данные о них изложены в сборнике (Русские в Ливане, 2010). Фактически сразу по прибытии на ливанскую землю русские эмигранты образовали так называемый русский кружок, а в 1929 году ими было образовано Русское техническое объединение (РТО), сыгравшее важнейшую роль в объединении русских, оказавшихся в Ливане.

После Первой мировой войны (1914–1918) Ливан стал частью мандата Франции. Казалось бы, на первый взгляд, «революционная эпоха оборвала все наработки царских дипломатов в выстраивании отношений России с этой ма-

ленькой страной. Но сколь удивительно вновь переплелись судьбы ливанцев с русскими: на работу в подмандатную провинцию стали подбирать офицеров Белой армии, навсегда покинувших родину. В результате в Бейруте оказалось несколько сотен семей военных инженеров. Эти высокообразованные и талантливые люди создали Русское техническое объединение (РТО), воскресную школу, библиотеку, консерваторию и даже балетную студию. Не успев в полной мере реализовать себя в служении отечеству, они на совесть потрудились в Ливане. Были проложены дороги и коммуникации, воздвигнуты мосты, плотины» (Русские в Ливане, 2010: 75).

Проживавших в Бейруте русских эмигрантов заметно сплотили действовавшие в первой половине XX века различные войсковые объединения: Кают-компания морских офицеров бывшего Императорского флота в Бейруте, Объединение Российской Регулярной Конницы в Сирии, Либоне и Алаутии, Общество русских офицеров-артиллеристов Сирии и Либане, Союз Русских Военных Инвалидов в Сирии и Либане и др. Интересно, что директором четверговой школы для детей русских эмигрантов в Бейруте, организованной РТО, о которой далее пойдет речь, был выпускник Николаевского кавалерийского училища, офицер 2-го гусарского полка, член Ливанской группы отделения Общества Галлиполийцев в Малой Азии, Александр Александрович Елагин. Бывшие ученики четверговой бейрутской школы К.Б. Новикова и Г.А. Серов вспоминают, как А.А. Елагин поднимал российский флаг на флагштоке у здания школы, и говорят о нем, как о «безукоризненном, кристальной чистости и ангельского характера человеке» (Бахер, URL).

В 1929 году членами РТО начала собираться русская библиотека, об истории которой рассказано И.А. Жабер в сборнике «Русские в Ливане» (2010). (В настоящее время книги библиотеки РТО хранятся в Бейруте, наиболее ценные экземпляры изданий переданы в Дом русского зарубежья имени Александра Солженицына в Москве. – прим. авт.) А вскоре образовалась школа для детей, которая известна под названием «четверговая школа», так как занятия в ней проходили по четвергам.

Эмигранты первой волны считали своим долгом сохранить и передать потомкам ценности и традиции русской культуры. «В этой связи исследователи русского языка зарубежья отдают должное прежде всего приходам Православной Церкви и русским учебным приходским заведениям, которые способствовали поддержанию “чистоты” национального языка» (Недопекина, 2011: 72). Русских эмигрантов в Бейруте, так же как и многие общины русского рассеяния, объединял приход Русской Православной Церкви за границей (РПЦЗ). В четверговой школе священнослужители преподавали детям русских эмигрантов Закон Божий – обязательный предмет, изучаемый наряду с русским языком, историей и географией России, гимнастикой.

В конце года успехи по предметам и поведению, а также число посещений Русской четверговой школы для детей в городе Бейруте отражались в рукописных ведомостях за подписью директора и инспектора школы. Выставлялись оценки. Причем знания по русскому языку оценивались по пяти параметрам: письменный, выразительное чтение, стихотворение, грамматика, правописание (знание правил). На основании этих сведений и характеристи-

ки учащегося комитет школы принимал решение о его переводе в следующий класс.

Вот так описывает события того времени Ирина Дмитриевна Малышева, посещавшая эту школу: «Русские, которые работали в Ливанском муниципалитете в Бейруте, объединились и создали русский клуб. Изначально было это мужское объединение. Позже женщины решили создать школу. В начале своей деятельности школой заведовала Анна Вячеславовна Коваленко, которая была на самом деле чешка, католичка, и она стала православной, когда вышла замуж за Коваленко. А.В. Коваленко в школе вела уроки гимнастики и руководила церковным хором. Затем директором школы стал Елагин Александр Александрович. Занятия в школе начинались в два часа дня каждый четверг и длились до четырех. Каждые полчаса ученики переходили из одной комнаты в другую. Занятия вели сами родители: русский язык, географию и историю России. Закон Божий преподавал Отец Гермоген, батюшка, который в это время был в Ливане.

Русская колония в то время была очень дружной. Часто мы встречались у Назаровых и отмечали разные праздники, именины. У Елизаветы Федоровны был огромный стол, собиравший множество гостей. В школе она преподавала младшим классам.

Чтобы нам было интересно, на праздники: окончание года или на Пасху, на Новый год... – устраивали на сцене представления. Помню, как я в пьесе Чехова играла какую-то тетушку... было мне 7 лет. Школа была с детского сада до последнего класса школы – 16–17 лет. Театр был очень важным, потому что нас одновременно учили и русской литературе, и было это очень интересно. Сейчас я взрослая и понимаю, как они нас учили...

Со временем школа прекратила свое существование, а подросшая молодежь стала посещать Кружок русской молодежи. По воскресеньям после четырех мы встречались у Коваленко, у которой был большой дом, со стороны Американского университета в Бейруте, между университетом и морем. Там жили многие русские. Мы приносили с собой сандвичи или пироги. У нас был час занятий с Кирпичевой, которая нам давала урок русского языка. А потом были танцы, иногда пели. Весело было, мы дурачились, иногда влюблялись, но все остались друзьями. Это самое важное. Я до сих пор дружу с Ириной Назаровой, которая сейчас живет в Швейцарии» (рассказ И.Д. Малышевой записан автором статьи Н.В. Семаан 24 марта 2020 года в г. Бейруте).

Еще один представитель русской диаспоры из среды эмигрантов в Ливане, Григорий Александрович Серов, внук знаменитого живописца Валентина Серова, вспоминая о Кружке русской молодежи, рассказывал, что «после урока русского языка, который непременно каждый раз заканчивался “диктовкой”, часто были лекции и беседы на определенные темы с русскими гостями Бейрута или родителями учащихся. Театральные постановки отличались высоким, профессиональным уровнем. На репетиции собирались два-три раза в неделю» (интервью дано автору статьи Н.В. Семаан 10 января 2020 года в Российском центре науки и культуры в г. Бейруте).

Временной промежуток с 20-х до середины 40-х годов прошлого столетия по праву можно считать вторым периодом преподавания русского языка

в Ливане, когда эмигранты первой волны, удерживая духовную связь между Ливаном и Россией, самостоятельно поддерживали изучение родного языка в четверговой школе и Кружке русской молодежи до тех пор, пока 3 августа 1944 года не были заключены дипломатические отношения между СССР и Ливаном, получившим независимость от Франции в 1943 году.

Советский Союз в послевоенный период активно стал оказывать содействие странам, входившим в «социалистический лагерь». Ливанское государство со своим политическим и экономическим устройством в него не входило, а после того, как Франция уступила свои позиции в ближневосточном регионе, влияние США и Великобритании в нем заметно усилилось.

Однако это не помешало СССР и Ливану установить взаимодействие на культурной основе. В 1950 году в Бейруте открылся Советский культурный центр (СКЦ), который изначально располагался в одном из районов Бейрута, в помещении снимавшейся в аренду квартиры жилого здания. В СКЦ действовали небольшой кинозал, библиотека и курсы русского языка. Это и было началом «советского периода» в истории преподавания русского языка в Ливане.

Постепенно деятельность Советского культурного центра расширялась. Для этого ему пришлось в начале 1960-х годов переехать в отдельное арендованное здание в центре Ливанской столицы, а потом, уже в 1981 году, в специально построенное для него собственное здание.

СКЦ в Ливане в тот период осуществлял свою деятельность под эгидой Союза советских обществ дружбы (ССОД) (1958–1992), правопреемника Все-союзного общества культурной связи с границей (ВОКС) (1925–1958), миссией которого было повсеместное налаживание культурных связей с зарубежными странами, в том числе и со странами Ближнего Востока. Советская сторона активно поддерживала и учебно-образовательную деятельность СКЦ, где уже русский язык как иностранный (РКИ) стал преподаваться на регулярной курсовой основе: поставлялись учебники и методическая литература, предоставлялась возможность прохождения семинаров повышения квалификации для ливанских преподавателей в Университете дружбы народов имени Патриса Лумумбы (ныне РУДН) и в Государственном институте русского языка имени А.С. Пушкина. В преподавательский состав Советского культурного центра входили не только заведующие курсами РКИ, направлявшиеся из Москвы, но и высококвалифицированные специалисты, работавшие на местах. Среди них были Юсеф Аталла и Ирина Яхьевна Бешкок (Дана), которая впоследствии сама руководила этими курсами, а в конце 1990-х годов вела уроки русского языка для билингвов. В СКЦ в 1980-е годы РКИ преподавался по интенсивной программе: четыре занятия в день по полтора часа. Изучать русский язык могли все желающие, причем бесплатно, включая предоставление учебников. В основном это были молодые люди, которые направлялись в советские вузы для получения различных специальностей. Советское государство активно помогало Ливану в подготовке квалифицированных кадров, предоставляя квоты, которые распределялись на местах. Советский культурный центр в то время был единственным местом в Ливане, где у бу-

дущих студентов была возможность пройти курсы русского языка, чтобы адаптироваться к учебе в СССР.

В СКЦ постоянно организовывались концерты и выставки, функционировала библиотека, где были в широком доступе произведения русских классиков и советских писателей, переведенные на арабский язык, а работа творческих, музыкальных, танцевальных и спортивных секций приобщала местную молодежь к активной деятельности.

Важно отметить, что период с 1975 по 1990 год был крайне беспокойным для Ливана. Пятнадцать лет шла ожесточенная гражданская война, но СКЦ в Бейруте не прекращал своей работы.

Год окончания этой длительной войны в Ливане совпал с кануном наступления переломного периода для Советского Союза, а точнее, с периодом его распада в 1991 году.

Коренные изменения, происходившие во всех сферах жизни постсоветской России: в экономике, политике, культуре и образовании – сказались на деле продвижения русского языка за рубежом. Этот период был переходным как в идеологическом, так и в организационном плане. Преобразовывались все структуры российского государства, в том числе и ССОД был реформирован в 1992 году в «Росзарубежцентр», а Советский культурный центр в Бейруте стал называться Российским центром науки и культуры (РЦНК). Он по-прежнему оставался единственным местом в Ливане, где преподавался русский язык как иностранный для взрослых, а с 1997 года и для детей-билингвов.

Мотивация к изучению русского языка в тот период значительно снизилась. Слушателями курсов РКИ в большинстве своем были молодые люди, которые хотели «получить общеязыковую подготовку с ориентацией на бытовое, неофициальное межличностное общение с некоторой культурной и исторической информацией» (Демешева, 2006: 49).

Такой интерес ливанцев к изучению русского языка тогда был вызван желанием создать семьи с представительницами России или стран СНГ, что существенно отличалось от мотивации предыдущего поколения их соотечественников, стремившихся получить образование в советских вузах. Тем не менее оба этих фактора после распада СССР привели к созданию большого количества смешанных русско-ливанских семей и появлению поколения детей-билингвов. В 1999 году с принятием федерального закона «О государственной политике в отношении соотечественников за рубежом» все проживающие граждане России в Ливане, а также русскоговорящие граждане бывшего СССР получили статус соотечественников.

С 2004 года в Ливане начался период, когда, опираясь на курсы русского языка, повсеместно стали создаваться организации соотечественников: в Бааклине, Баальбеке, Батруне, Бейт Мери, Библосе, Ждейде, Захле, Набатие, Сайде, Тире, Триполи. При поддержке РЦНК в Бейруте, Посольства Российской Федерации в Ливане, Ассоциации выпускников СССР и РФ и благодаря самостоятельным усилиям эти общественные организации активно развивались и реформировывались в центры, клубы и общества, а в 2011 году они объединились в Координационный совет организаций российских соотечественников (КСОРС).

В рамках федеральной целевой программы «Русский язык», утвержденной в России в 2001 году и рассчитанной на поэтапное проведение в последующие 20 лет, за рубежом начали осуществляться проекты, направленные на поддержку соотечественников и повышение статуса русского языка во всем мире. Преподавание РКИ в Ливане также постепенно перешло на новый высокий уровень.

Российский центр науки и культуры в Бейруте (с 2008 года уже как представительство Россотрудничества в Ливане) стал не только современным учебно-методическим центром преподавания РКИ, но и местом, где в 2007 году сформировалась школа русского языка «Кедр» для детей-билингвов, занятия в которой начали проводиться по уровням, соответствующим классам российской школьной программы.

В 2017 году в Ливане при поддержке Гуманитарной миссии России русский язык был включен в программу общеобразовательной средней школы BIS (Bekaa International School), в которой учащиеся начальных и средних классов стали изучать русский как второй иностранный язык в качестве обязательного учебного предмета два раза в неделю.

Большим достижением в деле поддержания и продвижения русского языка в Ливане стало создание 11 января 2019 года при поддержке РЦНК в г. Бейруте организации ЛОПРЯЛ – Ливанского общества преподавателей русского языка и литературы.

Отдельно следует сказать о преподавании русского языка в высших учебных заведениях Ливана. Это направление сложилось относительно недавно.

В 2009 году Американский университет науки и техники (AUST) в г. Бейруте стал первым университетом в Ливане, в программе которого русский язык был утвержден как учебная дисциплина. Произошло это благодаря инициативе и поддержке заведующего кафедрой международных отношений факультета искусств и наук кандидата исторических наук, профессора Джорджа Массе.

Три поэтапных курса «Russian I», «Russian II», «Russian III» были введены как основные предметы программы бакалавриата для будущих дипломатов и как факультативные для студентов других специальностей. Такой подход вполне целесообразен, так как русский язык является одним из шести рабочих языков Генеральной Ассамблеи ООН.

Соответствующим образом построенная программа предмета «Русский язык» успешно вписалась в систему кредитов этого совместного американо-ливанского вуза и стала привлекательной для студентов и конкурентоспособной в позиционировании среди других иностранных языков, например испанского, итальянского, французского, немецкого.

Чуть позже, в 2010 году, благодаря содействию и поддержке фонда «Русский мир» открылся факультатив русского языка как иностранного в Школе языков и перевода в Университете Святого Иосифа (USJ) в г. Бейруте, а вслед за ним, в 2012 году, еще один совместный университет в Ливане – Ливано-американский университет (LAU) – проявил инициативу преподавания русского языка как иностранного на факультативной основе.

Также в 2018 году к списку частных университетов, где русский язык был введен как факультативный предмет программы бакалавриата по различ-

ным специальностям, присоединился Ливанский международный университет (LIU).

Что касается Ливанского государственного университета (UL), то первая попытка преподавания русского языка как факультативного предмета в нем для студентов различных специальностей была предпринята в 2014 году на базе специального отделения иностранных языков наряду с французским, английским, испанским, немецким, итальянским и китайским языками.

И только с 2018 года, после подписания официального договора в 2017 году о сотрудничестве между руководством Ливанского государственного университета и Российским университетом дружбы народов, предмет «Русский язык» был введен как факультативный предмет в основную программу бакалавриата Ливанского государственного университета на многих факультетах по различным специальностям.

Важным результатом этой двусторонней договоренности также стало осуществление в 2019–2020 учебном году программы совместной магистратуры по специальности «Российско-ближневосточные отношения и пути взаимодействия», в соответствии с которой два предмета «Русский язык» и «Введение в основы исторического и дипломатического перевода» (в комбинации русского и арабского языков) получили статус основных предметов на факультете филологии и гуманитарных наук Ливанского государственного университета. Несомненно, подготовка квалифицированных специалистов в этом направлении крайне важна для дальнейшего выстраивания отношений не только между Россией и Ливаном, но и со странами Ближнего Востока в целом.

Мотивация к изучению русского языка как языка будущей специальности у ливанской молодежи постепенно растет, поскольку увеличивается интерес к возможности получения образования в России. Представительство Россотрудничества в Ливане ведет большую работу по распределению квот, согласно которым гражданам зарубежных стран предоставляются бюджетные места в российских вузах.

Обоюдная заинтересованность Ливана и России в укреплении и расширении межкультурных связей в последнее время заметно возросла, что может являться залогом сохранения позиции русского языка в этом регионе. Как будет складываться ситуация в дальнейшем, покажет время. Тем более что подобным образом проведенный хронологический анализ дает основание делать вывод о том, что исход исторических событий был одним из факторов, влиявших на дело продвижения русского языка в этой ближневосточной стране.

ENG

The timeline of teaching the Russian language in Lebanon is directly connected with the historical periods of Russia's relations with this Middle Eastern country, as well with the presence of the Russian Diaspora which was formed in the beginning of the 1920s until the present-day.

The Russian Empire has always sought to establish itself in the Middle East as a main power; the patroness of Christian shrines in the region and the Orthodox

population of Syria and Palestine. The Russo-Turkish peace treaty that put an end to the 1768–1774 war played a major influence in the strengthening of the Russian state's position in the region. According to the agreement, Russia had the right to provide patronage to the Christian minorities in the Ottoman Empire and a consulate was established in 1820 in the city of Jaffa in order to aid and protect the interests of Russian citizens who would go on pilgrimages to the Holy places in Syria and Palestine.

Nonetheless, a focal moment in forming Russian-Lebanese consular relations would be in the year 1839 when the Russian consulate was relocated from Jaffa to Beirut and was named Consulate in Beirut and Palestine and as of the year 1843 it became known as the General Consulate in Beirut (Vorobev, 2010: 18).

During this period, the foundation of Russia's presence in Lebanon was being actively laid out and the Lebanese favor towards Russia was noticeable. Throughout the Turkish dominion, Russia and the Russian Orthodox Church became genuine idols not only for Lebanese orthodox Christians but also for the representatives of other confessions in this part of the Middle East.

An important event that further developed the relations between Russia and Lebanon (Palestine and Lebanon at the time were considered part of the territory of Syria, also known as Greater Syria (Arabic شامبلاد ال “bilad alshamm”)) would be the creation of the Russian Imperial Orthodox Palestine Society (IOPS) in 1882.

The Society's charter was based on philanthropic goals of teaching and charity, where three main pillars would guide its practice: (1) scientific – collect, develop and distribute information about Holy places of the Middle East to Russia; (2) pilgrimages – provide benefits for Orthodox pilgrims to these Holy places; (3) humanitarian – set up schools, hospitals, almshouses and offer financial benefits to local residents, churches, monasteries and clergy (Ustav..., 1887).

In the research of the Russian philosopher and historian, N.N. Lisovoi (Lisovoi, 2006), it is mentioned that the Russian language was taught from 1883 to 1885 in the Beirut Orthodox Charity Society School by Aleksandr Gavrilovich (Iskander-Dzhebrail) Kezma (1860–1935). The Damascus native was a graduate from Saint Petersburg's Theological Seminary; later on, as a third-year student at the Moscow Theological Academy he was called to work in Palestine in 1883 and thus became one of the key figures in founding the schools of IOPS in the Middle East. Consequently, A.G. Kezma led the first IOPS schools in Galilee and the male boarding house in Nazareth in 1886 which was then transformed into a teacher seminary in 1889.

The first IOPS school in Lebanon was opened on 22 September 1887 in the city of Beirut under the efforts of Maria Aleksandrovna Cherkasova (Saint Petersburg, 21 February 1841 – Beirut, 1918). She was a graduate of the Pavlovsk Institute for Noble Maidens in Saint Petersburg. By the time she arrived at Beirut, she had an extensive pedagogical experience; she taught for a few years in a school in Novgorod oblast (Novgorod region) and managed the Russian theological mission in Japan for girls since 1879. From 1887 to 1914, M.A. Cherkasova organized six schools in Beirut and was an indispensable supervisor. The success of the first IOPS school in Beirut caused a great deal of requests from various regions of

Lebanon in order to open such schools. In the 1890s, in accordance with the appeal of the Patriarch of Antioch, many rural Lebanese schools were taken under the patronage of the IOPS (Baher, Fedotov, 2012: 45).

The data collected by both T. Baher and P.V. Fedotov (Baher, Fedotov, 2012) are evidence that these schools operated in large cities, where there could be several ones, as well as in small villages. Groups from the schools would meet in districts where Russian supervisors monitored the educational process. Repeatedly, Russian committees of well-known pedagogues visited these schools. The schools were open to representatives of all confessions and education in them was tuition-free. The total number of the “Moscow schools” in the Lebanese territory reached 48, and according to the data for 1912–1914, 5750 boys and girls studied in them.

Moreover, educational institutions from outside the IOPS that taught the Russian language were supported by this Society. For example, during 1896–1898 several Russian teachers, who were graduates of the Stoyunin Saint Petersburg girl’s gymnasium, worked along with a local native, who graduated from the IOPS Beyt-Jala teacher seminary, in the Beirut boarding house “Bakurat Al-Ihsan”. A female orthodox charity society named “Zahrat Al-Ihsan” (lit. “Flower of kindness”, founded in 1880) opened this Beirut boarding house. Mentioned by the orientalist A.Y. Krymskii (Krymskii, 1975: 35), the educational process was headed and monitored by a Russian supervisor of the institute, Ekaterina Ivanova Schmidt from Saint Petersburg.

The IOPS schools in the Middle East from 1882 to 1914 constituted a whole system of educational institutions, and the educational program depended on the type of school. The reporting messages of the IOPS (Anichkov, 1899) demonstrate that in one-class rural schools (three groups and three years of education) children from 8–12 years old studied divine law, arithmetic, Arabic and Russian languages and singing. In two-class rural and city schools (five years of education) children from 8–14 years studied the divine law, arithmetic, Arabic, Russian and Turkish languages and geography. All the subjects in the one-class and two-class schools were taught in Arabic except for the Russian language subject.

In order to prepare the educational staff from the local Arab population for the IOPS schools, two teacher seminaries were open in both male and female boarding houses in Palestine: in Nazareth (1886) and in Beyt-Jala (1890) respectively. The best students who finished their courses in the two-class city and village schools enrolled in the seminary. According to established programs, the six-year training course taught the entire subjects in Russian except for divine law, Arabic, Turkish and Greek languages (Anichkov, 1899). It is considered that these two seminaries prepared the first professional pedagogues in the Arab world (Grushevoi, 2018: 274).

Also worthy of note is that there were no teacher seminaries in Lebanon; but in her schools, M.A. Cherkasova conducted special lessons designed to teach basic pedagogical techniques and teaching methods to the senior students.

During the school year of 1912–1913, 33 teachers, all of whom were local natives and Cherkasova’s students, taught in the Beirut schools (Baher, Fedotov, 2012).

Upon the opening of the schools in the Middle East, the administration of the Society discovered an almost complete absence of pedagogical and educational literature in Arabic. As a result, the Society’s staff performed a huge amount of

work by translating manuals and compilations of original training materials from Russian to Arabic, while taking into account local specifics. The author of numerous educational textbooks and methodological developments in Arabic for IOPS schools is A.G. Kezma, who began work on the translation of the divine law textbook from Russian to Arabic when he was still in Beirut (Anichkov, 1899).

As previously mentioned, the teachings in one-class and two-class rural IOPS schools were given in the Arabic language. The classes of Russian language and Russian singing were introduced only with the availability of trained teachers (Russian or local natives who finished their teaching seminaries with the IOPS). Among the Lebanese schools, the greatest successes in the Russian language were noted among M.A. Cherkasova's students where classes were held according to her personal techniques (Cherkasova, 1911). Despite the extreme small number of permanent Russian population in Beirut; the facilitator of success would be attributed to the fact that Ms. Cherkasova's schools were a welcoming place for Russian travelers and pilgrims visiting Beirut, something that gave the students constant opportunities to practice the spoken Russian language (Baher, Fedotov, 2012).

The question concerning the practicality and methods of teaching the Russian language in IOPS schools was repeatedly the subject of conversations. The last document related to this question is known as the "Committee's Report, drawn up by the Council of the Imperial Palestinian Society to consider the programs and instructions of the seminaries worked out at the Nazareth meeting of 1913", is described by A.G. Grushevoi (Grushevoi, 2015). Recommendations in the document for teaching the Russian language and literature are intended for the seminaries (Nazareth and Beyt-Jala) and exemplary schools. That is to say, an attempt was made to generalize the accumulated experience and create some ideal model of teaching the Russian language to foreign children in specialized educational institutions outside the Russian territory. In this case, specialized educational institutions are professionally oriented teacher's secondary schools that provide their graduates with a sufficient level of language preparation and general education in order to continue their higher educational studies in Russia.

Thereby with the beginning of hostilities between Russia and Turkey in October 1914, Russian schools in Beirut were transferred by the Ottoman authorities to the jurisdiction of local church communities. "The outbreak of war put an end to the history of schools. We cannot tell what could have happened under a different outcome and how the trends of the schools' development and affairs, which had been outlined in the early years of the twentieth century, would have been realized." (Grushevoi, 2015: 109–110). All the Russian citizens were sent out of the Lebanese territory by the Ottoman authorities, with an exception for Maria Aleksandrovna Cherkasova who was loved and respected among the Lebanese. She lived in Lebanon until the end of her life; in honor of M.A. Cherkasova, Al Mama street is named after her in the center of Beirut overlooking the current building of the Russian Embassy.

The main results drawn from the activities of the "Moscow schools" in Lebanon (1887–1914) was that for the first time, thousands of Orthodox children had the opportunity to receive a systemic primary education that meets the latest pedagogical principles in compliance with their society's traditions. Sources and scien-

tific literature do not provide a definitive figure of the total number of students who studied in the IOPS schools; however, without a doubt, it can be considered to come around tens of thousands. The teaching of Russian in the Lebanese “Moscow schools” was not something widespread and systematic since it was not the primary mission when organizing the schools. Nevertheless, elementary knowledge of forms of speech etiquette, religious formulas and prayers in Russian language among the students acted as a certain sign of belonging to the global Orthodox culture, one of the pillars of which Russia revered. The positioning of education around the native Arabic language, attention to the history and geography of the native land made it possible to grow a generation of patriotic Orthodox Lebanese in the “Moscow schools”, many of whom became national representatives of the intelligentsia. The selfless activities of the Russian ascetic pedagogues earned gratitude and strengthened the traditional sympathies of the Orthodox Lebanese towards Russia.

Evidently, the creation of “Moscow schools” by the IOPS on the Lebanese territory from 1887 until the beginning of the First World War in 1914 was a valuable educational endowment. The first period of systematic teaching of the Russian language in Lebanon corresponds with this timeframe.

As the Ottoman Empire dissolved in 1922, the Russian-Lebanese relations were also terminated until they were revived once again in 1944. However, during these 22 years, the series of events that swept over both Lebanon and Russia laid emphasis on the geopolitical map of the countries as well as on their relationship.

The October Revolution of 1917 was one of such fateful phenomena at the beginning of the 20th century. It entailed a drastic change in the socio-political situation in Russia, which made the life of a fairly significant part of Russian citizens at home impossible. Many decided to leave their country, believing that they were doing this only for a brief duration.

Therefore in 1921 on the territory of soon-to-be Lebanon, as in most foreign countries, first-wave emigrants appeared and the Russian diaspora began to form. Around 400 families entered this Middle Eastern country after the revolution, statistical data about them are presented in the collection *Russians in Lebanon* (Vorobev, 2010). In fact, immediately upon arrival on Lebanese soil, Russian emigrants formed the so-called “Russian circle” and in 1929 they formed the Russian Technical Association (RTA) which played a crucial role in uniting Russians, who were in Lebanon.

After the First World War (1914–1918), Lebanon became part of the French mandate. It would seem at first glance that “the revolutionary era severed all the works of tsarist diplomats in building relations between Russia and this small country. But how surprisingly the fates of Lebanese and Russians intertwined again: White Army officers were selected to work in the mandate province and so forever leaving their homeland. As a result, several hundred families of military engineers turned up in Beirut. These highly educated and talented people founded; the Russian Technical Association (RTA), a Sunday school, a library, a conservatorium and even a ballet studio. Not having time to fully realize themselves in the service of the motherland, they worked hard in Lebanon by paving roads, setting up communications, erecting bridges and building dams” (Vorobev, 2010: 75).

The Russian emigrants living in Beirut were reassembled and reunited by various military associations operating in the first half of the 20th century: The Cabin-Company of the naval officers of the former Imperial Navy in Beirut, Association of the Russian Regular Cavalry in Syria, Liban and Alautia, Society of Russian Artillery Officers in Syria and Liban, Union of Russian Military Disabled in Syria and Liban and many more. Interestingly enough is that A.A. Elagin; the director of the Thursday School for children of Russian emigrants in Beirut (organized by the RTO, which will be discussed later) was a graduate of the Nikolaev Cavalry School, an officer of the second hussar regiment and a member of the Lebanese group of the Gallipoli community in Asia Minor. Former students of the Thursday School in Beirut, K.B. Novikov and G.A. Serov, recall how A.A. Elagin raised the Russian flag on the flagpole at the school building, and speak of him as an “impeccable, honorable and angelic person” (Baher, URL).

In 1929 members of the RTA began to assemble a Russian library, the story of which is told by I.A. Jaber in the collection “Russians in Lebanon” (Vorobev, 2010). (Currently the books of the RTA library are kept in Beirut; the more valuable copies of the editions have been transferred to the Aleksander Solzhenitsyn House of Russia Abroad in Moscow. – *authors’ note*.) And soon a school for children was formed which was known as the Thursday School since it took place on Thursdays.

First-wave emigrants considered their duty to preserve and pass on to their descendants the values and traditions of Russian culture. “In this regard researchers of the Russian Language Abroad, primarily give credit to the parishes of the Orthodox church and the Russian educational parish establishments which contributed to maintaining the ‘purity’ of the national language” (Nedopekina, 2011: 71). Russian emigrants in Beirut as well as many communities of Russian dispersion were united by the arrival of the Russian Orthodox Church outside Russia (ROCOR). In the “Thursday school”, the Russian emigrant children were taught the Russian language, history and geography of Russia and gymnastics; in parallel, the clergy taught the divine law (a compulsory subject).

By the end of the year, successes in subjects, conduct, attendance of the Russian Thursday School for Children in the City of Beirut and grades were found on a sheet as handwritten statements signed by the school’s principal and supervisor. Furthermore, knowledge of the Russian language was evaluated according to five parameters: written, expressive reading, poetry, grammar and spelling (knowledge of the rules). Based on the student’s information and characteristics, the school committee decided whether to transfer her/him to the following grade.

This is how Irina Dmitrievna Malisheva, the school’s attendee, describes the events of that period: “Russians who worked in the Lebanese municipality of Beirut teamed up and created a Russian club. Initially it was a male association, and later on women decided to open a school. In the beginning of the school’s activities, Anna Vyacheslavovna Kovalenko, who was actually a Czech Catholic who turned Orthodox when she married Kovalenko, was the supervisor. At the school, A.V. Kovalenko taught gymnastics classes and led the church choir. Afterwards the director of the school was Elagin Aleksandr Aleksandrovich. Every Thursday, classes at school began at two in the afternoon and lasted until four. Every half hour the students moved from one room to another. Classes were taught by the parents

themselves: Russian language, geography and history of Russia. The divine law was taught by Father Germogen, who at the time was in Lebanon.

Back then the Russian cluster was very friendly; we often met up at the Nazarov family and celebrated various holidays and birthdays. Many guests gathered around Elizabeth Fedorovna's huge table. She used to teach elementary grades at the school. In order for us to be entertained; by the end of the school year, on Easter or on New Year there were performances on stage. I remember how I played some aunt in Chekhov's play... I was 7 years old.

The school started from kindergarten until the last grade – 16–17 years. The theatre was very important because they taught us Russian literature and at the same time it was very interesting. Now I am an adult and I understand how they taught us...

With time the school ceased to exist and the grown-up youth started to attend Russian Youth's Circle. On Sundays after four we met at Kovalenko, who owned a big house between the American University in Beirut and the sea. Many Russians lived there. We brought with us sandwiches and pies. We had an hour of class with Kirpicheva who taught us Russian language lessons. After that we danced and sometimes sang. It was fun, we fooled around, fell in love sometimes but all remained friends. That is the most important thing. I still am friends with Irina Nazarova who now lives in Switzerland" (story told by I.D. Malicheva, recorded by the author of the article N.V. Semaan on March 24, 2020 in Hadath, Beirut).

Gregory Aleksandrovich Serov, grandson of the famous painter Valentin Serov, is another representative of the Russian Diaspora among the emigrants in Lebanon. While remembering the Russian Youth's Circle, he talked about: "At the end of each Russian language class, which always had to end with a dictation (lit. diktovka), there were often lectures and discussions on certain topics with Russian guests in Beirut or the students' parents. Theatre performances were distinguished by high and professional levels. Rehearsals took place two to three times per week" (interview given to N.V. Semaan, author of the article, on January 10, 2020 in Russian Center for Science and Culture, Beirut).

The time interval between the 20s and 40s of the last century can be rightfully considered as the second period of teaching the Russian language in Lebanon when first-wave emigrants, who held on to the spiritual connection between Lebanon and Russia, independently supported the study of their native language in Thursday School and Russian Youth's Circle. Up until the 3rd of August 1944 when diplomatic relations were established between the USSR and Lebanon, when the latter attained its independence from France in 1943.

In the post-war period, the Soviet Union began to actively assist countries that were members of the "socialist camp". The Lebanese state was not considered a member due to its political and economic structure, but after France conceded its position in the Middle Eastern region, the influence of the United States and Great Britain started to increase significantly.

However, this did not hinder with establishing a cultural cooperation between the USSR and Lebanon. In 1950 Beirut, the Soviet Cultural Center (SCC) originally opened in a rented apartment of a residential building, which was located in one of the districts of Beirut. There was a small cinema, library and Russian language

courses in the SCC. This was the beginning of the “Soviet period” in the history of teaching the Russian language in Lebanon.

Gradually, the activities of the Soviet Cultural Center expanded. For this reason, it had to be moved to a separate building in the center of the Lebanese capital during the early 60s and then once again in 1981 to its own building which was specially built for the SCC.

At that time the SCC in Lebanon carried out its activities under the auspices of the Friendship Societies with Foreign Countries (lit. SSOD, 1958–1992). The SSOD was the successor of the All-Union Society for Cultural Relations with Foreign Countries (lit. VOKS, 1925–1958), whose mission was the widespread establishment of cultural ties with foreign countries including those of the Middle East. The Soviet party actively supported the SCC’s activities, where the Russian as a foreign language (RFL) was taught on a regular course basis. The SCC was supplied with textbooks and methodological literature; in addition, the opportunity was given to Lebanese teachers in order to attend advanced training seminars in Patrice Lumumba University (nowadays known as Peoples’ Friendship University of Russia – RUDN University) and at the Pushkin State Russian Language Institute. The Soviet Cultural Center’s staff included not only managers of the RFL courses from Moscow, but also highly qualified specialists working in the field. Among them were Yousef Atalla and Irina Yakhievna Beshkok (Dana), who subsequently led these courses herself and by the end of the 90s she taught the Russian language for bilinguals. During the 80s, RFL was taught in the SCC under an intensive program, 4 lessons per day for an hour and a half. Anyone willing to learn the Russian language could do so for free and were provided with textbooks. These were mainly young people, who were sent to educational Soviet institutes in order to receive various specialties and degrees. The Soviet state enthusiastically helped Lebanon train qualified personnel by providing quotas that were distributed for enrollment. At that time, the Soviet Cultural Center was the only place in Lebanon where future students had the opportunity to take Russian language courses in order to adapt to their studies in the USSR.

In the SCC concerts and exhibitions were always organized, a library operated with widely available (translated into Arabic) works of Russian classics and Soviet writers and the local youth was introduced to an active lifestyle through creative activities of music, dance and sports.

It is important to note that the period between 1975 until 1990 was an extremely turbulent and dangerous time for Lebanon. A civil war lasted for fifteen years, but the SCC in Beirut did not stop its work. The year when this long war in Lebanon ended coincided with the onset of a crucial turning point in the Soviet history or rather with its collapse in 1991, to be more exact.

The fundamental changes in the economic, political, cultural and educational spheres of the post-Soviet life affected the promotion of the Russian language abroad. This was a transitional period for both ideology and organization plans. All the structures of the Russian government were transforming; among them was the reorganization of the SSOD in 1992 to become the Russian Center Abroad (lit. Roszarubejtsentr), and the Soviet Cultural Center in Beirut was renamed and became known as the Russian Center for Science and Culture (RCSC). It remained the only place

in Lebanon that taught Russian as a foreign language to adults and since 1997 to bilingual children.

During that time, motivation to learn the Russian language significantly declined. Most of the participants in the RFL courses were young people who wanted to “receive general language training with a focus on every day informal interpersonal communication, with some cultural and historic information” (Demesheva, 2006: 49).

At that point, the Lebanese showed an interest towards learning Russian because of the desire to create families with representatives of Russia or the Commonwealth Independent States, which completely differed from the motivation of the previous generation who wanted to get an education in Soviet universities. Nonetheless, both of these factors after the collapse of the USSR led to the creation of a large number of mixed Russian-Lebanese families and the emergence of bilingual children. With the adaptation of the federal law “On state policy regarding compatriots abroad” in 1999, all Russian citizens residing in Lebanon along with Russian speaking citizens of the former USSR, received the status of compatriots.

Since 2004 a period in Lebanon started relying on Russian language courses, when organizations of compatriots began to be created everywhere in: Baaqline, Baalbeck, Batroun, Beyt Meri, Byblos, Jdaide, Zahle, Nabatieh, Sidon, Tyre and Tripoli. With the support of the RCSC in Beirut, Russian Embassy in Lebanon, Association of USSR Alumni, Association of Russian Federation Alumni and thanks to independent efforts, these public organizations actively developed and reformed into centers, clubs and societies. And in 2011, they merged into the Coordination Council of Russian Compatriots (lit. KSORS).

As part of the federal target program “Russian Language”, approved in 2001 and designed for phased implementation over the next 20 years, projects have begun to be implemented abroad to support compatriots and improve the status of the Russian language throughout the world. Also teaching Russian as a foreign language in Lebanon gradually reached a new high level.

The Russian Center for Science and Culture in Beirut (is the representative of the Federal Agency for the Commonwealth of Independent States, Compatriots Living Abroad and International Humanitarian Cooperation, more commonly known as *Rossotrudnichestvo*, in Lebanon since 2008) became not only a modern educational and methodical center for teaching RFL but also a place where in 2007 “Kedr” (lit. “cedar”) – school of Russian language for bilingual children was formed. This school began to hold classes at levels corresponding to the classes of the Russian school curriculum.

With the support of Russia’s humanitarian mission to Lebanon in 2017, the Russian language was included as a compulsory subject in the curriculum of the Bekaa International School (BIS), in which students from the primary and secondary classes began to study Russian as a second foreign language twice a week.

On the 11th of January 2019 with the support of the RCSC in Beirut, the creation of the Lebanese Society of Russian Language and Literature Teachers organization (more commonly known as LOPRYAL) was a great achievement in maintaining and promoting the Russian language in Lebanon.

Separately, it should be noted that teaching the Russian language in higher educational institutions of Lebanon, is a direction that has developed relatively recently.

In 2009, the American University of Science and Technology (AUST) in Beirut became the first Lebanese university that approved of the “Russian language” as an academic discipline and included it in its programs. This happened thanks to the initiative and support of the chairperson of the International Affairs Department of the Faculty of Arts and Sciences, Dr. George Masse – PhD in World History and Foreign Policies.

Three step-by-step courses, “Russian I”, “Russian II” and “Russian III”, were introduced as the main subjects in the bachelor’s program for future diplomats and as elective courses for students of different majors. Such an approach is completely reasonable since the Russian language is one of the six official languages of the United Nations. The appropriately constructed program of the “Russian language” subject successfully fit into the credit system of this joint American-Lebanese University, and has become attractive to students and worthy of positioning itself against other foreign languages such as Spanish, Italian, French and German.

Later on, in 2010, thanks to the assistance and support of the Russkiy Mir Foundation (Russian World Fond), the Faculty of Russian as a Foreign Language was opened in the School of Translators and Interpreters of Beirut in the Saint Joseph University (USJ). Subsequently in 2012, the Lebanese American University in Lebanon demonstrated an initiative to teach Russian as foreign language on an elective basis.

Additionally, in 2018 the Lebanese International University (LIU) joined the list of private universities where Russian was introduced as an elective subject for the undergraduate program in various majors.

As for the Lebanese University (LU), the first attempt in teaching the Russian language as an elective subject to students of several majors was made in 2014. The Russian language would be included in the foreign languages bureau alongside with French, English, Spanish, German, Italian and Chinese languages. However, it was only in 2018 that the “Russian language” subject was introduced as an elective in the Lebanese University bachelor’s program of various faculties and different majors. This was possible after the signing of an official agreement in 2017 on the cooperation between the management of the Lebanese University and Peoples’ Friendship University of Russia. In the academic year 2019–2020 an important outcome of this bilateral agreement was the implementation of a joint master’s program in the “Russian-Middle Eastern relations and interaction” major. Therefore, the two subjects: “Russian language” and “Introduction to the basics of historical and diplomatic translation” (in combination with Russian and Arabic), received the status of basic subjects at the Faculty of Philology and Humanities of the Lebanese University. Undoubtedly the training of qualified specialists in this area is extremely important for the further building of relations not only between Russia and Lebanon, but also with other Middle Eastern countries.

As interest in the possibility of obtaining an education in Russia is increasing among the Lebanese youth, the motivation for studying Russian as a language is progressively growing. The representative office of Rossotrudnichestvo in Lebanon is doing a lot of work on the allocation of quotas, according to which foreign citizens are given affordable enrollment opportunities in Russian universities.

Evidently, the mutual interest of Lebanon and Russia in strengthening and expanding their intercultural relations has recently increased noticeably, which

may be the key to maintaining the position of the Russian language in this region. Time will tell how the situation will unfold further on. Moreover, such a chronological analysis gives reason to conclude that the outcome of historical events was one of the factors that influenced the promotion of the Russian language in this Middle Eastern country.

Список литературы

- Бахер Т.* Кают-компания и казачья станица Бейрутская. URL: <http://www.ruvek.info/?module=articles&action=view&id=8997> (дата обращения: 14.05.2020).
- Бахер Т., Федотов П.В.* «Московские школы» Ливана. 1887–1914. Бейрут – СПб.: Alarm editions, 2012. 176 с.
- Грушевой А.Г.* Последняя учебная программа учительских семинарий Императорского Православного Палестинского Общества // Вестник Екатеринбургской духовной семинарии. 2018. № 2 (22). С. 258–331.
- Грушевой А.Г.* Школы и школьная деятельность Императорского Православного Палестинского Общества (востоковедение и востоковеды в идеологии и политической системе Российской империи) // Вспомогательные исторические дисциплины. 2015. Т. 33. С. 57–118.
- Демешева Е.Н.* Влияние языковой ситуации в арабских странах на методику преподавания русского языка как иностранного (курсовой профиль) // Форум русистов России, стран Северной Африки и Ближнего Востока: сборник научно-методических статей и сообщений. М., 2006. С. 44–51.
- Извлечение из отчета Председательствующего в отделении поддержания православия Н.М. Аничкова по осмотру им весной 1899 г. учебных заведений Общества в Палестине и Сирии // Сообщения ИППО. Т. 10. СПб., 1899. С. 656–691.
- Крымский А.Е.* Письма из Ливана (1896–1898). М.: Наука, 1975. 342 с.
- Лисовой Н.Н.* Русское духовное и политическое присутствие в Святой Земле и на Ближнем Востоке в XIX – начале XX в.: монография. М.: Индрик, 2006. 512 с.
- Недопекина Е.М.* Место и роль языка в образовании диаспор // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика. 2011. № 1. С. 67–74.
- Русские в Ливане. Российские соотечественники в Ливане: история и современность: сборник материалов / сост. С.А. Воробьев. Бейрут: CHAMAS for printing and publishing, 2010. 288 с.
- Устав Православного Палестинского Общества (утв. 8 мая 1882 г.). СПб.: Тип. В. Киришбаума, 1887. 17 с.
- Черкасова М.А.* Наискорейший способ научения чтению и письму // Во славу божию: сб. Казань: Типография Губернского правления, 1911. Ч. II. С. 40–51.

References

- Anichkov, N.M. (1899). *Iz vlechenie iz otcheta Predsedatel'stvuyushchego v otdelenii podderzhaniya pravoslaviya N.M. Anichkova po osmotru im vesnoy 1899 g. uchebnykh zavedeniy Obshchestva v Palestine i Sirii* [Extract from the report of the Chairman of the Department of Maintaining Orthodoxy N.M. Anichkov on his inspection of the Society's educational institutions in Palestine and Syria in the spring of 1899]. *IPPO Messages*, 10, 656–691. (In Russ.)
- Baher, T. *Kayut-kompaniya i kazach'ya stanitsa Beirutskaya* [*Kayut company and the Cossack village of Beirut*]. Retrieved May 14, 2020, from <http://www.ruvek.info/?module=articles&action=view&id=8997> (In Russ.)

- Baher, T., & Fedotov, P.V. (2012). “*Moskovskie shkoly*” *Livana. 1887–1914* [“*Moscow schools*” of *Lebanon. 1887–1914*]. Beirut, Saint Petersburg: Alarm editions. (In Russ.)
- Cherkasova, M.A. (1911). Naiskoreishii sposob naucheniya chteniyu i pis'mu [The Fastest way to teach reading and writing]. *For the glory of God* (part II, pp. 40–51). Kazan: Tipografiya Gubernskogo pravleniya Publ. (In Russ.)
- Demesheva, E.N. (2006). Influence of the language situation in the Arab countries on the methodology of teaching Russian as a foreign language (course profile). *Proceedings from the Forum of rusists of Russia, North Africa and the Middle East: Collection of scientific and methodological articles and messages* (pp. 44–51). (In Russ.)
- Grushevoi, A.G. (2015). Schools and school activities of the Imperial Orthodox Palestinian Society (Oriental studies and Orientalists in the ideology and political system of the Russian Empire). *Auxiliary historical disciplines*, 33, 57–118. (In Russ.)
- Grushevoi, A.G. (2018). The Latest curriculum of teachers' seminaries of the Imperial Orthodox Palestinian Society. *Bulletin of the Yekaterinburg Theological Seminary*, 2(22), 258–331. (In Russ.)
- Krymskii, A.E. (1975). *Pis'ma iz Livana (1896–1898)* [Letters from Lebanon (1896–1898)]. Moscow: Nauka Publ. (In Russ.)
- Lisovoi, N.N. (2006). *Russkoe dukhovnoe i politicheskoe prisutstvie v Svyatoi Zemle i na Blizhnem Vostoke v XIX – nachale XX v.* [Russian spiritual and political presence in the Holy Land and the Middle East in the XIX – early XX century]. Moscow: Indrik Publ. (In Russ.)
- Nedopekina, E.M. (2011). Place and role of language in the formation of diasporas. *Bulletin of Peoples' Friendship University of Russia. Series: Theory of Language. Semiotics. Semantics*, (1), 67–74. (In Russ.)
- Ustav Pravoslavnago Palestinskago Obshchestva* [Charter of the Orthodox Palestinian Society] (from May 8, 1882). Saint Petersburg: V. Kirshbaum Publishing House. (In Russ.)
- Vorobev, S.A. (2010). *Russkie v Livane. Rossiiskie sootechestvenniki v Livane: Istoriya i sovremennost': sbornik materialov* [Russians in Lebanon: Russian compatriots in Lebanon: History and modernity: Collection of materials]. Beirut: CHAMAS for printing and publishing. (In Russ.)

Сведения об авторах:

Семаан Наталия Викторовна, кандидат филологических наук, преподаватель русского языка и литературы экстерната Посольства РФ в Ливанской Республике, руководитель школы русского языка для детей-билингвов «Кедр» при Российском центре науки и культуры в г. Бейруте, председатель Ливанского общества преподавателей русского языка и литературы (ЛОПРЯЛ). *Сфера научных интересов*: лингвистический и методический аспекты русского языка как второго родного языка билингвов. Автор 7 научных публикаций. E-mail: haidarnat@yahoo.com

Демешева Елена Николаевна, кандидат педагогических наук, преподаватель факультета филологии и гуманитарных наук Ливанского государственного университета, кафедры международных отношений факультета искусств и наук Американского университета науки и техники, преподаватель курсов РКИ Российского центра науки и культуры в г. Бейруте. *Сфера научных интересов*: методика преподавания РКИ в арабоязычной аудитории вне языковой и культурной среды, русская и арабская фразеология, лингвокультурология, лингводидактика, межкультурная коммуникация. Автор 10 научных публикаций. E-mail: elena.demesheva@ul.edu.lb

Бахер Татьяна Владимировна, член Ливанского Культурного Православного Императорского Общества в г. Амьоне. *Сфера научных интересов*: история русских в Ливане. Автор ряда научных публикаций. E-mail: tatiana.baher@yandex.ru

Bio notes:

Nataliya V. Semaan, Candidate of Philology, lecturer of the Russian language and literature at the external school of the Embassy of the Russian Federation in the Lebanese Republic, Head of the Russian language school for bilingual children “Kedr” at the Russian Center for Science and Culture in Beirut, Chairperson of the Lebanese Society of Teachers of the Russian Language and Literature (LOPRYAL). *Research interests*: linguistic and methodological aspect of the Russian language as the second native language for bilinguals. The author of 7 scientific publications. E-mail: haidarnat@yahoo.com

Elena N. Demesheva, Candidate of Pedagogy, lecturer at the Faculty of Philology and Humanities in the Lebanese University, at the Department of International Affairs of Faculty of Arts and Sciences in the American University of Science and Technology, instructor at the Russian Center for Science and Culture in Beirut. *Research interests*: methods of teaching Russian as a foreign language to an Arabic-speaking audience outside native linguistic and cultural environment, Russian and Arabic phraseology, linguoculturology, linguodidactics, intercultural communication. The author of 10 scientific publications. E-mail: elena.demesheva@ul.edu.lb

Tatiana V. Baher, member of the Lebanese Cultural Orthodox Imperial Society in Amion. *Research interests*: history of the Russian presence in Lebanon. The author of several scientific publications and books. E-mail: tatiana.baher@yandex.ru